

В тулечке на метро «Комсомольская», где мы накануне «забили стрелку», я, как-то, прибыла с десятиминутным опозданием. Эдика уже не было. Несясь вдоль вагонов по перрону Ленинградского вокзала, мечтала об одном: опознать бы его в толпе.

Невысокого роста, в черном бушлате, рюкзачок, затемненные очки с толстыми стеклами. Ни охраны, ни толпы зевак...

В вагоне пригородного поезда, где мы разместились, — душно и тесно. До нас никому нет дела. Напротив уселась душевнобольная старушка, уточняющая на весь вагон адрес психушки в Твери. Народ развеселился. Кто-то на всю громкость врубил Газманова. Как-то все разом заговорили: о «бесстыжем Ельцине», о столичных барахолках, о грошовой зарплате. А мы с Эдикой, в диссонанс — о Париже...

Скандалный Эдик Лимонов (в быту — Эдвард Савенко), девятнадцать лет проведший за кордоном, к чести его, на русском говорит без акцента (в отличие от последней жены). У него двойное гражданство: французское и советское (ныне — российское). Последнее — с конца 1991 года. А квартиры нет нигде — ни в Париже, ни в Москве. Сам признался.

В Тверь Эдик едет за головами избирателей. Думаю, решил для себя, что в Россию надо возвращаться обязательно «красиво» — будущему депутату по постсоветской Госдуме, например...

Пока Эдик ко мне приглядывается, достаю из саквояжа выпрошенный накануне у подружки лимоновский роман. Увы, в беседе — ни грамма сентиментальности: «Не знаю, какой вы человек;

знаю — сделаю соответствующую надпись».

Монолог Эдики Лимонова по пути в Тверь

Политик — человек, оперирующий идеями. Но они, идеи, должны, по крайней мере, быть. Процесс мышления — огромное удовольствие для меня. Есть же люди, которые любят, к примеру, жрать...

Я всегда отличался свободным поведением: и в детстве — когда был пионером, и потом, когда в комсомольцы не приняли. Такой же я и сейчас.

Вообще, я без внимания не останусь, что бы ни делал. Я ведь в один день с Джорджем Вашингтоном родился — 22 февраля... Думаю, председателем Думы меня не выберут — я среди этих людей абсолютно дикий птица. Меня и патриоты-то не очень брали в свои, хотя часто мною пользовались. Я ведь не был ни в одном руководящем органе ни одной из политтусовки (уже в Твери нас настигла грустная весть: РКП Зюганова дала приказ своим членам: за Лимонова не подписываться).

...Я вообще презираю всякую политическую комедию. Я ведь автор нескольких очень умных книг. Однако, если в Думу попаду, — это будет хорошо для здоровья и Думы, и России. Я — человек безжалостный, бескомпромиссный, меня не интересуют

льготы. Мне бы найти большое место — и вдарить, закричать: «А король-то голый!»

Нынешние выборы — это снисхождение Ельцина. Он устраивает их для себя, а не для нас. ...Знаете, за годы советской власти русский народ привык к «дяде в костюме». Мне же ближе американский тип политика. Вот Жириновский — профессиональный политик, он не зависит от аппарата.

...Ненавижу «идеологических овчарок» — всяких там Нуйкиных, Жуйкиных, Плюйкиных. Кодло, взявшееся слушать власти. Они теперь называются русскими писателями, русской интеллигенцией. Если Нуйкин писатель, кто тогда я?

...А Явлинский — вот настоящий чудак! Собирается в 500 дней перестроить русскую экономику — хватил! Боровой тоже зря лезет в политику. Господину Боровому никогда им не быть. Недавно видел его по ТВ — так и не понял, чего же он хочет. Только подхихкивает... Вот я верю, что не все в политике решают деньги. Народ наш очень недоверчивый и неглупый. Ничтожество сразу распознает. У народа ведь свой выбор, свои критерии. Ельцина, знаю, выбрали за рост, за молчание его. Думали, что за немногословностью скрывается сила. К сожалению, у него обнаружилось упрямство, самодурство и мало политического ума.

Выберут ли швеи Твери экс-портного Лимонова в Госдуму?

Жизнь Лимонова. 1993. 17 ноября — с. 1.

Всех вдруг потянуло

в глубинку.

И корреспондента «КП» — тоже, тем более в такой компании!

...Меня постоянно спрашивают: почему решил выставить свою кандидатуру в Твери? Я хотел бы от Харькова — я там вырос, меня там знают и уважают, да это сейчас другое государство. Можно было бы выставиться в Москве — там и округа поменьше. Но Москва перестала выражать Россию. Это уже не национальный город...

За разговорами незаметно подъезжаем к Твери. Нас встречают 15-градусный мороз и студент местного университета Тарас, влюбленный в «лимоновщину». Меня любезно берут с собой в штаб — однокомнатную квартиру где-то на окраине Твери. Постепенно собирается команда: интеллигентные молодые люди. Настроены приветливо и доброжелательно.

«Хочу жрать», — заявляет Эдуард. Через пятнадцать минут на столе появляются макароны по-флотски вперемешку с помидорами. Сегодня у Эдуарда две встречи: на трикотажной и на мебельной фабриках, завтра — в городской больнице. Пока жуются макароны, слушаю

Монолог сборщика подписей

— Самая большая проблема — народ не желает подписываться за кандидата Савенко (так Э. Л. по паспорту). Говорят: «Хотим за писателя, у которого фамилия на букву Л». Сразу выясняют: он за

шепчутся две профсоюзные активистки:

— Видала, культурный: хоть бы пальто снял. А на руке — по пять перстней. Муженек недавно принес его книгу, прочла двадцать страниц — стыд и срам. Давай спросим: у него самого уши не краснеют, когда он свои книги второй раз перечитывает?

— Из Парижа приехал — что ему здесь надо? Выберем — а он опять туда уедет.

Задают вопросы. В экономике Э. Л. откровенно слаб. Никогда не получается объяснить трикотажникам, получающим 130 тысяч в месяц, зачем следует менять экономический курс. Интересуются связями с Жириновским: «Дружим, не отрицаю». Народ действительно недоверчив и неглуп. После встречи желающим предлагают подписаться за депутата Савенко. Несколько человек просят автограф. Через полчаса — выступление на соседней фабрике. Обедать уже не успеваем.

Краткий монолог автора

Лимонов попросил: «Запишите мою просьбу к Алле Пугачевой: пусть приедет в Тверь, выступит с концертом, поддержит мою кандидатуру... Говорите, Наташа о ней невысокого мнения? Так это ведь моя жена, а это — я». Он будет веселым депутатом. Если будет. (Хотя сам признался: пятнадцать лет назад был злее, веселее и вульгарнее. Сегодня же — масса нюансов. Что же, каждому возрасту — свой темперамент).

Каким мы хотим видеть новый парламент? Уже сегодня ясно — он не будет парламентом профессионалов. «Больше депутатов: толковых и разных!» — обозначившийся уже лейтмотив нынешней предвыборной кампании. Главное, чтобы не получилась из этого «чужая собачья и муть зеленая». Впрочем, это уже из Лимонова.

А книгу он мне так и не подписал.

Ольга ГЕРАСИМЕНКО.